

Они делают с нами лишь то, что мы сами позволяем с собой делать

Опубликовано 10 марта, 2017 - 22:56 пользователем Охотник

Источник: <http://www.kramola.info/blogs/rusy/oni-delayut-s-nami-lish-cto-my-sami-pozvolyaem-s-soboy-delat>

Был такой простой русский парень, Сергей Масленица, родившийся 6 мая 1972 года и выросший в Чечне, в станице Шелковской, в семье терских казаков и потомственных военных. Его прадед в первую мировую войну заслужил от царя именную саблю за храбрость, дед погиб в 1944 году в Белоруссии, став посмертно Героем Советского Союза, отец получил наградной пистолет в 1968 году за Чехословакию, старший брат погиб в Афганистане. Сергей ходил в детский сад с детьми вайнахов, учился в школе с чеченцами, не раз дрался с ними еще ребенком. Он с детства не мыслил для себя никакой другой карьеры, кроме карьеры военного.

А потом грянул 1991 год: в Чечне началась резня русского населения. Родители Сергея, а так же большинство его родственников погибли в той чудовищной резне, что учинили нохчи. В это время Сергей учился в рязанском воздушно-десантном училище и помочь им не смог. А затем, по окончании училища, он вернулся на родину — мстить. Пройдя обе чеченские кампании, получая ранения и высшие военные награды Российской Федерации, четыре раза он лежал в госпитале. В 2001 году ранение было очень серьезным, он заслонил своего бойца от пули, и эта пуля попала ему возле сердца.

После суда над Ульманом и его бойцами написал весьма хамский рапорт, назвав Путина "говнокомандующим" и ушел в запас, предварительно сдав все свои награды.

После службы активно и успешно занимался строительным бизнесом, перечисляя часть заработанного семьям погибших офицеров-спецназовцев. Параллельно занимался с "проблемными" подростками, наркоманами, беспризорниками, Снимая их с иглы, бутылки, занимаясь с ними спортом, обучал их русской истории, языку, ходил с ними в горы, считая это важнейшим делом своей жизни.

1 сентября 2010 года Сергей с супругой ехали по федеральной трассе, когда перед ними произошло ДТП, в результате которого одна из машин перевернулась и загорелась. Когда, вытащив двух пассажиров, он вернулся за третьим, перевернутый автомобиль взорвался.

У него было очень много друзей, на погребальную тризну приехали больше 500 человек. Приехали даже чеченцы, и вручили его сыну саблю чеченского амира.

Ниже публикуются воспоминания Сергея Масленицы о его жизни и войне.

«В 1991-1992 гг (еще до первой войны) в Чечне были вырезаны ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ русских.

В станице Шелковской весной 1992 г. "чеченской милицией" у русского населения было изъято все охотничье оружие, а через неделю в безоружную станицу пришли боевики. Они занимались переоформлением недвижимости. Причем для этого была разработана целая система знаков. Человеческие кишки, намотанные на забор, означали: хозяина больше нет, в доме только женщины, готовые к "любви". Женские тела, насаженные на тот же забор: дом свободен, можно заселяться. Поэтому, я и те кто воевал со мной рядом — менее всего думали о "мелкособственнических интересах". Мы думали совсем о другом.

Я родился и вырос в Чечне, точнее в станице Шелковской Шелковского района Чечено-Ингушской АССР. С раннего детства пришлось пересекаться с вайнахами. И уже тогда меня поразило, насколько они сильнее нас духом. В детском саду между русскими и вайнахскими детьми постоянно происходили драки, по итогам которых вызывали родителей. Причём с «русской» стороны всегда приходила мамочка, которая начинала выговаривать своему сыночку: «Ну что же ты, Васенька (Коленька, Петенька) дерёшься? Драться нельзя! Это нехорошо!» А с «вайнахской» стороны всегда приходил отец. Он давал сыну подзатыльник, и начинал на него орать: «Как ты, джяляб, посмел проиграть бой вонючему русскому — сыну алкоголика и проститутки?! Чтобы завтра же отлупил его так, чтобы он потом всегда от страха срался!».

В школе редкий день обходился без драк, причём драться мне практически всегда приходилось в меньшинстве. И это при том, что в моём классе на пять вайнахов было пятнадцать славян. И пока я один

отмахивался от пятерых, остальные четырнадцать «гордых росичей» в это время внимательно разглядывали свои ботинки.

(В принципе, если вы пользуетесь общественным транспортом, то подобную картину должны были наблюдать неоднократно: один дебошир к кому-нибудь пристаёт, а полсалона мужиков в этот момент всенепременно начинают интересоваться собственной обувью).

На нас постоянно производилось психологическое давление, постоянно «щупали на слабинку». Чуть прогнёшься — всё, конец: опустят так, что уже не поднимешься.

Однажды меня после школы подкараулили вайнахи старшекласники. В драке я разбил одному из них голову водопроводной трубой. Остальные прекратили бой и утащили своего подранка. На следующий день в классе ко мне подошли незнакомые вайнахи и забили стрелку, объявив, что будем биться на ножах — насмерть. Я пришёл, а их там человек пятнадцать, и все — взрослые мужики. Думаю — всё, сейчас зарежут. Но они оценили, что я не испугался и пришёл один, поэтому выставили одного бойца. Мне дали нож, а чеченец вышел без оружия. Тогда я тоже свой бросил, и мы рубились голыми руками. По итогам этой драки я попал в больницу с переломами, но когда вышел — меня встретил отец того парня, которому я разбил трубой башку. Он мне сказал: «Я вижу, что ты воин, и не боишься смерти. Будь гостем в моём доме». После этого мы долго с ним беседовали. Он рассказывал мне про адаты (чеченские родовые обычаи), про воспитание, превращающее чеченских мальчиков в бойцов, про то, что мы, русские пи@арасы, оторвались от своих корней, перестали слушать своих стариков, спились, выродились в толпу трусливых баранов и перестали быть народом.

Вот с этого самого момента и началось моё «переобувание» или, если угодно, становление.

Потом настали «весёлые времена». Русских начали резать на улицах средь бела дня. На моих глазах в очереди за хлебом одного русского парня окружили вайнахи, один из которых плюнул на пол и предложил русскому слизать плевок с пола. Когда тот отказался, ему ножом вспороли живот. В параллельный класс прямо во время урока ворвались чеченцы, выбрали трёх самых симпатичных русских старшекласниц и уволокли с собой. Потом мы узнали, что девчонки были вручены в качестве подарка на день рожденья местному чеченскому авторитету.

А затем стало совсем весело. В станицу пришли боевики и стали зачищать её от русских. По ночам иногда были слышны крики людей, которых насилуют и режут в собственном доме. И им никто не приходил на помощь. Каждый был сам за себя, все тряслись от страха, а некоторые умудрялись подводить под это дело идеологическую базу, мол, «мой дом — моя крепость» (да, уважаемые, эту фразу я услышал именно тогда. Человека, который её произнёс, уже нет в живых — его кишки вайнахи намотали на забор его же собственного дома).

Я видел колонны автобусов, к которым из-за смрада нельзя было подойти на сто метров, потому что они были набиты телами зарезанных русских. Я

видел женщин, ровненько распиленных вдоль бензопилой, детишек, насаженных на столбы от дорожных знаков, художественно намотанные на забор кишки. И это был 1992 год — до «первой чеченской» оставалось ещё два с половиной года.

Вот так нас, трусливых и глупых, вырезали поодиночке. Десятки тысяч русских были убиты, несколько тысяч попали в рабство и чеченские гаремы, сотни тысяч сбежали из Чечни в одних трусах.

Так вайнахи решили «русский вопрос» в отдельно взятой республике.

И удалось им это только потому, что мы были ничтожествами, полным дерьмом. Мы и сейчас дерьмо, правда уже не такое жидкое — среди дерьма начали попадаться стальные крупинки. И когда эти крупинки собираются вместе — происходят кондопоги. Их пока немного, но вайнахи — молодцы. Настоящие санитары леса. В результате их культурно-просветительской миссии в России русские бараны снова становятся людьми.

Вообще, тем, кто по жизни пересекался с чеченцами, есть за что их ненавидеть. А после такого их есть за что ненавидеть и тем, кто с ними не пересекался (Ролик удален ввиду его жестокости — ред.).

Ролик снят боевиками в 1999 г. во время вторжения группировки Басаева в Дагестан. На пути группировки находился наш блок-пост, личный состав которого, увидев боевиков, обосрался от страха и сдался в плен. У наших военнослужащих была возможность умереть по-мужски, в бою. Они этого не захотели, и в результате были зарезаны как бараны. И если вы посмотрели ролик внимательно, то должны были заметить, что руки связаны только у одного, которого зарезали последним. Остальным судьба предоставила ещё один шанс умереть по-людски. Любой из них мог встать и сделать последнее в своей жизни резкое движение — если не вцепиться во врага зубами, то хотя бы принять нож или автоматную очередь на грудь, стОя. Но они, видя, слыша, и чувствуя, что рядом режут их товарища, и, зная, что их зарежут тоже, всё равно предпочли баранью смерть.

Это «один в один» ситуация с русскими в Чечне. Там мы вели себя точно так же. И нас точно так же вырезали.

Во время первой чеченской были захвачены видеозаписи, как развлекались с русскими женщинами несовершеннолетние вайнахи. Они ставили женщин на четвереньки и метали ножи как в мишень, стараясь попасть во влагище. Все это снималось на видео и комментировалось.

Я, кстати, каждому молодому пополнению в своём взводе, а потом в роте, обязательно показывал трофейные чеченские ролики. Мои бойцы посмотрели и на пытки, и на вспарывание живота, и на отпиливание головы ножовкой. Внимательно посмотрели. После этого ни одному из них и в голову не могло прийти сдаться в плен.

Там же, на войне, судьба свела меня с одним евреем — Львом Яковлевичем Рохлиным. Первоначально наше участие в новогоднем штурме не предполагалось. Но когда была потеряна связь со 131-й мсбр

и 81-м мсп, нас бросили на помощь. Мы прорвались в расположение 8 АК, которым командовал генерал Рохлин, и прибыли к нему в штаб. Тогда я впервые увидел его лично. И он мне с первого взгляда как-то не показался: сгорбленный, простуженный, в треснутых очках... Не генерал, а какой-то усталый агроном.

Он поставил нам задачу — собрать разрозненные остатки майкопской бригады и 81-го полка и вывести их к пвд рохлинского разведбата. Этим мы и занимались — собирали по подвалам обоссавшееся от страха мясо и выводили в расположение рохлинских разведчиков. Всего набралось около двух рот. Поначалу Рохлин не хотел их использовать, но когда все остальные группировки отступили — 8 АК остался один в оперативном окружении в центре города. Против всех боевиков! И тогда Рохлин выстроил это "воинство" напротив строя своих бойцов и обратился к ним с речью. Эту речь я не забуду никогда.

Самыми ласковыми выражениями генерала были: "сранные мартышки" и "п@дарасы". В конце он сказал: "Боевики превосходят нас в численности в пятнадцать раз. И помощи нам ждать неоткуда. И если нам суждено здесь лечь — пусть каждого из нас найдут под кучей вражеских трупов. Давайте покажем, как умеют умирать русские бойцы и русские генералы! Не подведите, сынки...". (Льва Яковлевича давно нет в живых — с ним разобрались. Одним евреем меньше, не правда ли?).

А дальше был страшный, жуткий бой, в котором из моего взвода в 19 человек в живых осталось шестеро. И когда чеченцы прорвались в расположение и дело дошло до гранат, и мы поняли, что нам всем приходит п@здец — я увидел настоящих русских людей. Страх уже не было. Была какая-то весёлая злость, отрешённость от всего. В голове была одна мысль: «батя» просил не подвести». Раненые сами бинтовались, сами обкалывались промедолом и продолжали бой.

Затем мы с вайнахами сошлись в рукопашной. И они побежали. Это был переломный момент боя за Грозный. Это было противостояние двух характеров — кавказского и русского, и наш оказался твёрже. Именно в тот момент я понял, что мы это можем. Этот твёрдый стержень в нас есть, его нужно только очистить от налипшего говна. В рукопашной мы взяли пленных. Глядя на нас, они даже не скулили — они выли от ужаса. А потом нам зачитали радиоперехват — по радиосетям боевиков прошёл приказ Дудаева: «разведчиков из 8АК и спецназ ВДВ в плен не брать и не пытаться, а сразу добивать и хоронить как воинов». Мы очень гордились этим приказом.

С тех пор я наблюдаю и стараюсь брать на заметку всплески русского характера.

Слава Богу русские 2009 г. кардинально отличаются от русских 1991-го. В 91-м году в ст. Шелковской один вооруженный чеченец перебил больше сотни русских — ходил от дома к дому, спокойно перезаряжался, стрелял. И никто не посмел сопротивляться. А всего через 15 лет в Кондопоге, Твери и Ставрополе чечены жестоко обломались.

Динамика изменения, в принципе, приятная, но до полного переобувания русских на правильное ещё очень и очень далеко.

Но вот ТАКИХ «всплесков» русского характера, увы, гораздо больше. Дружно любуемся на «будущую надежду и опору» новой России: (ролик удален — ред.)

Здесь толпу русских пи@арасов нагибает даже не чеченец, а всего лишь армянин, причём «физика» у армянина — так себе (удар не поставлен и бросковая техника слабовата), но для баранов и этого достаточно: чтобы быть твёрже жидкого дерьма — достаточно быть всего лишь глиной.

Наверное, кто-то, увидев подобное, возненавидит этого армянина (или вообще всех "черножопых"). Но это только первая, самая простая фаза ненависти. Потом приходит понимание, что ни чеченцы, ни армяне, ни евреи, в сущности, не виноваты. Они делают с нами лишь то, что мы сами позволяем с собой делать.

Ещё немного поупражняемся в жидоборчестве. У меня во взводе (а потом и в роте) служил еврей-контрактник, Миша Р...йман. Свои называли его жидёнком, а чужих он поправлял, заявляя: "Я не жидёнок. Я — жидяра!" Во время "первой чеченской" в Грозном в р-не консервного завода мы всей разведгруппой вляпались в засаду. И когда окружившие нас боевики заорали: "русня, сдавайся!", этот жидёнок, находившийся ближе всех к пролomu в стене, вступил в дискуссию: сначала выстрелил из подствольника, а потом добавил на словах: "Отсоси, шлемазл!".

Во время второй чеченской я как-то раз словил пару пуль. И этот жидёнок мою подстреленную стокилограммовую тушу вытаскивал на себе 11 километров. Хотите с этим жидом побороться? Не вопрос. Вот только сначала придётся побороться со мной.

Будь русские мужчинами — никаких войск и не понадобилось бы. Население Чечни к 1990 году составляло примерно 1,3-1,4 млн. человек, из которых русских — 600-700 тысяч. В Грозном — около 470 тысяч жителей, из них русских — не менее 300 тысяч. В исконно казачьих районах — Наурском, Шелковском и Надтеречном — русских было около 70%. Мы на своей собственной земле слили противнику, уступающему нам в численности в два-три раза.

А когда вводили войска — спасать было практически уже некого.

Задумайтесь над этим.

Кто отдал приказ воевать? И не говорите мне, что это сделал Ельцин-алкоголик. Все решения за него всегда принимались членами того самого организованного еврейского сообщества.

Ельцин — алкаш этого сделать не мог, а вот еврей Березовский с компанией вполне. Да и факты его сотрудничества с чеченцами общеизвестны.

Но это не оправдывает исполнителей. Оружие вайнахам раздавал не еврей Березовский, а русский Грачёв (между прочим — десантник, герой Афганистана).

Преступление же Ельцина не в том, что он ввёл войска в 1994-м, а в том, что он не сделал этого в 1991-м.

А вот когда к Рохлину притащились "правозащитники" и предложили сдаться чеченам под свои гарантии — Рохлин приказал поставить их раком и гнать пинками до передовых позиций.

В январе 1995-го Егор Гайдар в составе большой делегации "правозащитников" (руководитель — С.А. Ковалёв) приехал в Грозный уговаривать наших солдатиков сдаваться чеченцам под свои личные гарантии. Причём Гайдар светился в тактическом эфире как бы ещё не интенсивнее Ковалёва.

Под "личные гарантии" Гайдара сдалось 72 человека. Впоследствии их изуродованные, со следами пыток, трупы, были найдены в районе консервного завода, Катаямы и пл. Минутка.

У этого Умного и Красивого руки в крови не по локоть, а по самые уши. Ему повезло — он сдох сам, без суда и казни. Но настанет момент, когда, в русских традициях, его гнилую требуху вынут из могилы, зарядят в пушку и выстрелят на запад — ОНО недостойно лежать в Нашей Земле.

Я благодарен чеченцам как учителям за преподанный урок. Они помогли мне увидеть моего истинного врага — трусливого барана и пи@араса, который прочно поселился в моей собственной голове».

Сергей Масленица